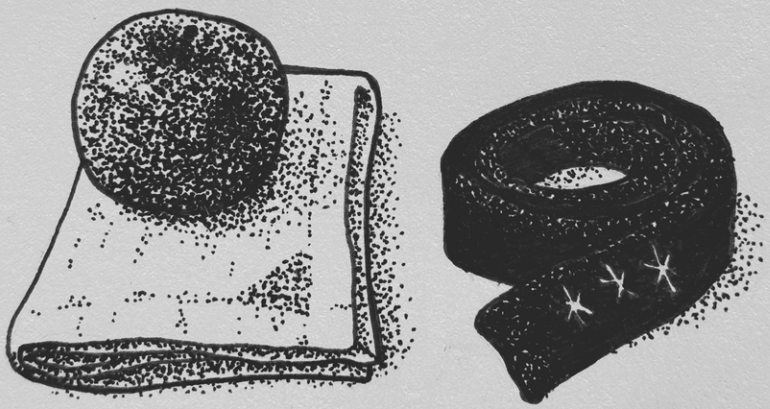
Inktober 2026

by Wild Waffle

This book is a work of fiction. All characters, places, institutions, and rituals in it are imaginary, and any resemblance to real ones is coincidental. The story contains scenes of physical and psychological cruelty, captivity, and bodily harm. If these themes may distress you, please read with care or set the book aside.

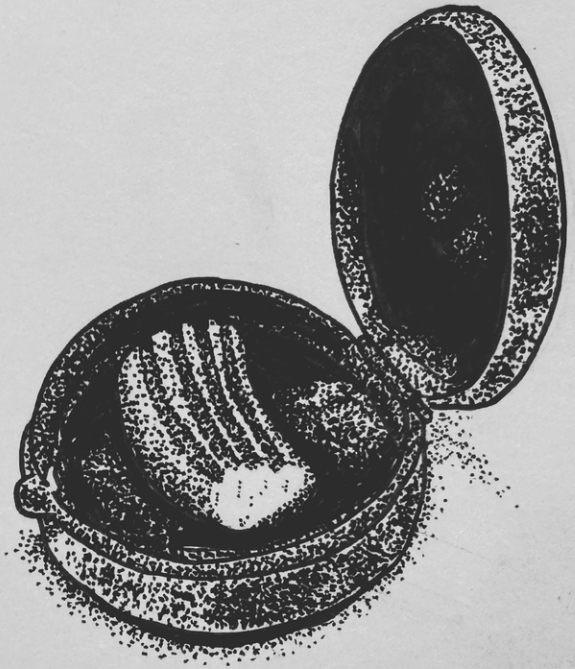
Эта книга — вымысел. Все персонажи, места, учреждения и обряды в ней выдуманы, любые совпадения случайны. История содержит сцены физической и психологической жестокости, неволи и телесных повреждений. Если эти темы могут вас расстроить, читайте осторожно или отложите книгу.

APPLE

Today I was taken to a room next to the kitchen. An apple and a belt had been left on the table. They called the belt new, though its edge was worn shiny and it was stitched up in three places with white thread. The abbess said there was room here for every woman with nowhere else to go. I ate the whole apple, even the darkened flesh by the stem: I didn't want to start out ungrateful.

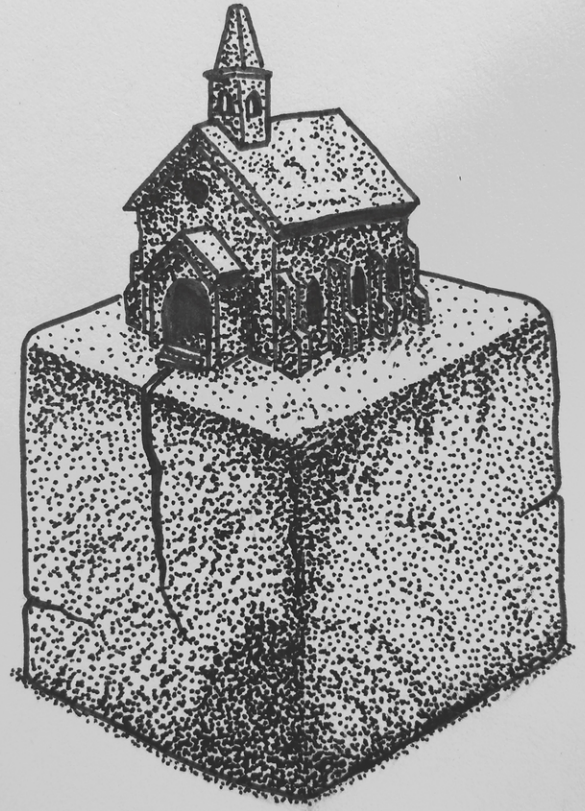
Сегодня меня отвели в комнату рядом с кухней. На столе оставили яблоко и пояс. Его назвали новым, хотя край залоснился, а в трёх местах он был прошит белой ниткой. Настоятельница сказала, что здесь найдётся место каждой, кому больше некуда идти. Я съела яблоко целиком, даже потемневшую мякоть у черенка: не хотелось начинать с неблагодарности.

RELIC

I was told to clean the reliquary with a particle of the Patron. The silver had tarnished from all the touching, and the particle itself turned out to be pale, as if it had just been cut. The keyholder explained that the particles are renewed from time to time. As is the custom here, I pressed my lips to it. A faint salty taste stayed with me until supper.

Мне поручили почистить реликварий с частицей Покровителя. Серебро потемнело от прикосновений, а сама частица оказалась светлой, будто её только что срезали. Ключница объяснила, что частицы время от времени обновляют. По здешнему обычаю я коснулась её губами. Солоноватый привкус держался до ужина.

MINIATURE

In the room behind the chapel stands a wooden model of our church. The craftsman made its base solid and three times taller than the church itself. I called it a stand. The abbess corrected me: it is what our faith stands on. When I lifted the model to dust it, a breath of damp rose from the base.

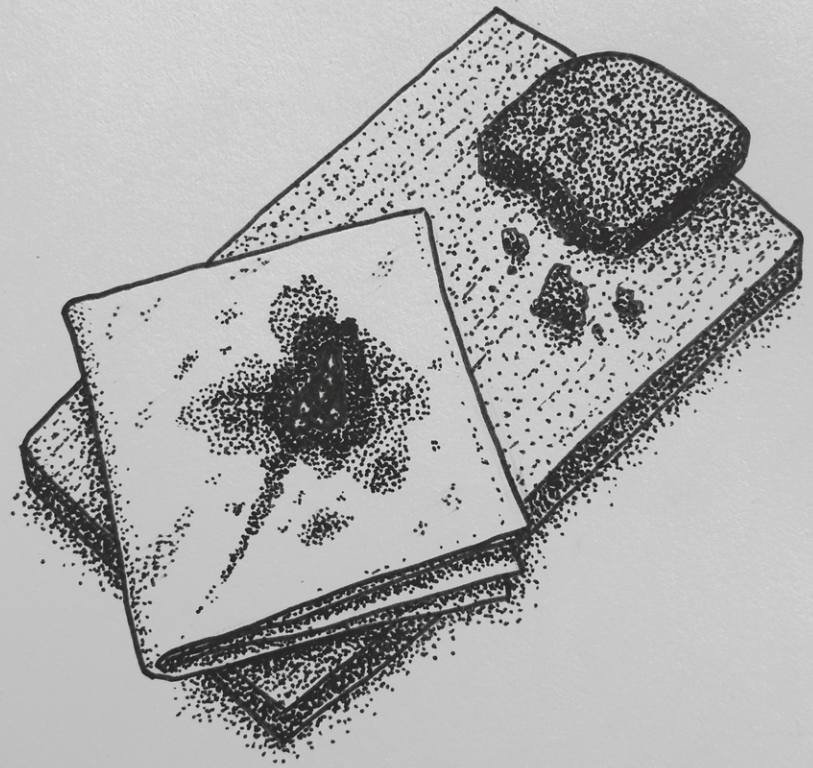
В комнате за часовней стоит деревянная модель нашей церкви. Мастер сделал основание глухим и втрое выше самого храма. Я назвала это подставкой. Настоятельница поправила: это то на чём стоит наша вера. Когда я подняла модель, чтобы вытереть пыль, от основания пахнуло сыростью.

CACTUS

Sister Marta left behind a small cactus. She used to work in my place. Now, I'm told, she serves below. I watered the plant and picked a few strands of hair off its spines. No one says when Marta will come back for her flower.

От сестры Марты остался маленький кактус. Прежде она работала на моём месте. Теперь, как мне сказали, служит внизу. Я полила растение и сняла с его колючек несколько прядей волос. Никто не говорит, когда Марта вернётся за своим цветком.

SMACK

I took bread to the woman who is kept locked up in the guesthouse. The abbess struck me across the mouth: I should have asked permission first. Her ring split my lip, and by evening it had stuck to my teeth. I was given a clean handkerchief. I said thank you.

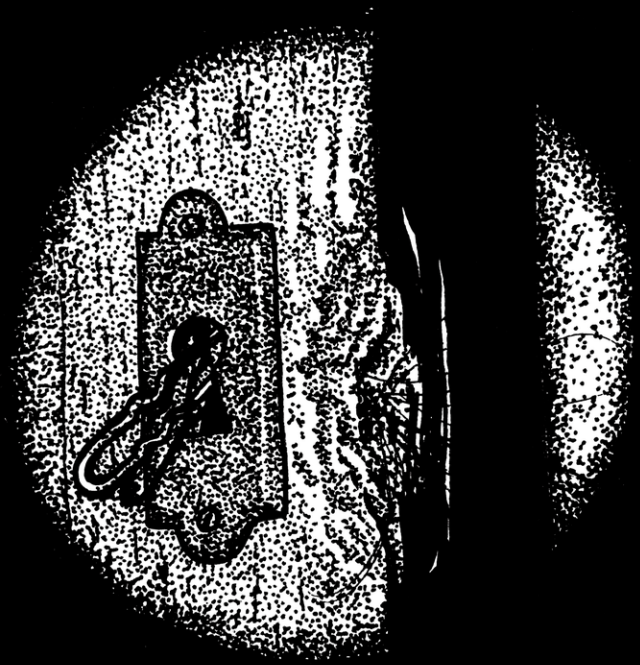
Я отнесла хлеб женщине, которую держат взаперти в гостевом доме. Настоятельница ударила меня по губам: сперва следовало спросить разрешения. Перстень рассёк губу, и к вечеру она прилипла к зубам. Мне дали чистый платок. Я поблагодарила.

OGRE

In the lower storeroom I found a bowl like the one I used to imagine an ogre eating from when I was a child. I scrubbed it with hot water until my hands ached, but the gray fat stayed in the cracks all the same. The keyholder said the guesthouse is fed from it. Then she tested the rim with her finger and told me to fill the bowl by evening.

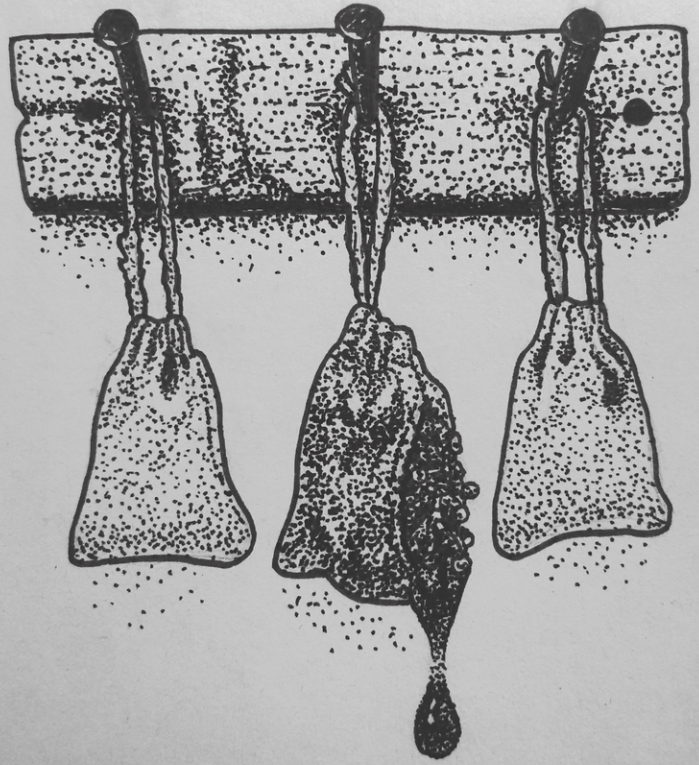
В нижней кладовой нашлась миска, какую я в детстве представляла у людоеда. Я отмывала её горячей водой, пока не заболели руки, но серый жир так и остался в трещинах. Ключница сказала что из неё кормят гостевой дом. Потом проверила край пальцем и велела наполнить миску к вечеру.

PANIC

That night in the guesthouse someone kept screaming the same name: Marta. Then they started calling for help, but toward morning only a rasping breath was left. I was told to sweep up the splinters by the door. A piece of fingernail was lodged in the keyhole, and the edge of the door beside it had been gnawed. I pulled the broken piece out so the key would go in again.

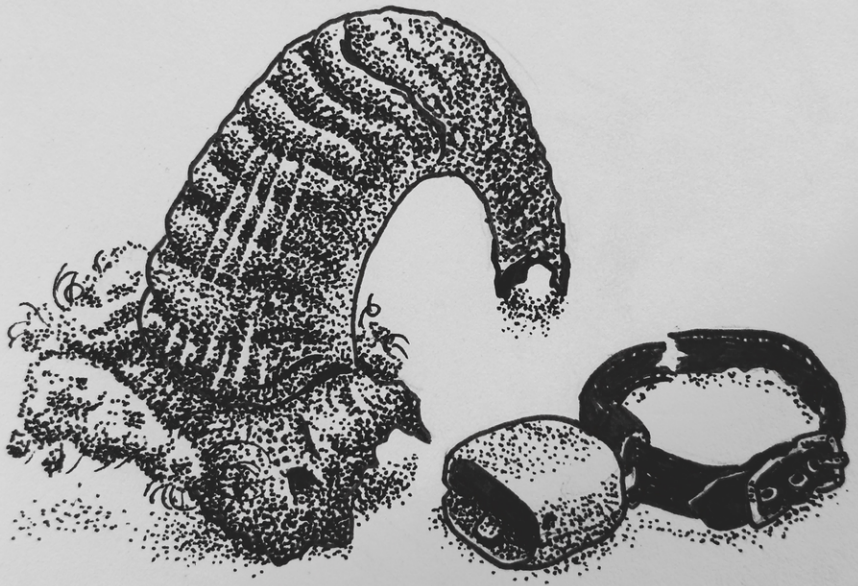
Ночью в гостевом доме кричали одно и то же имя - Марта. Потом стали звать на помощь, но под утро остался только хрип. Мне поручили вымести щепки у двери. В замочной скважине застрял кусочек ногтя, а край двери рядом был изгрызен. Я вытащила обломок чтобы ключ снова входил.

STINKY

A heavy, sweetish smell drifts up from the lower corridor. The sisters carry little sachets of cloves with them, and I was given one too. At night they are hung on nails by the lower door. By morning mine was soaked through. Later I smelled that same smell on the bread.

Из нижнего коридора тянет тяжёлым сладковатым запахом. Сёстры носят с собой мешочки с гвоздикой, и мне тоже дали такой. На ночь их вешают на гвозди у нижней двери. К утру мой пропитался насквозь. Тот же запах я потом чувствовала от хлеба.

RAM

The keyholder led our old ram into the corridor and locked him behind the lower door. In the night his bell rang for a long time, then stopped abruptly. In the morning all they found by the door was a horn broken off at the root and a collar with the buckle still fastened. The keyholder said the ram now serves below. She said there was nothing left to give this year.

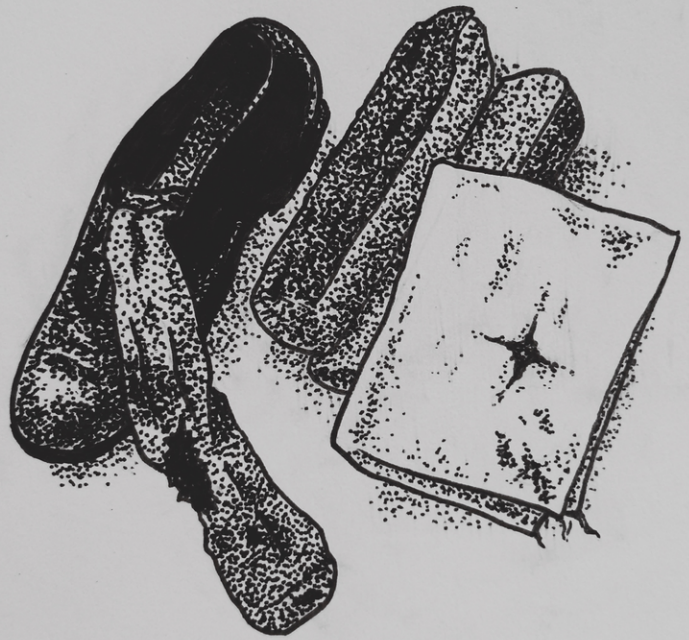
Ключница отвела нашего старого барана в коридор и заперла его за нижней дверью. Ночью колокольчик долго звенел, потом резко перестал. Утром у двери нашли только рог, отломанный у самого корня, и ошейник с застёгнутой пряжкой. Ключница сказала, что баран теперь служит внизу. Она сказала, что в этом году отдать больше нечего.

MYSTICAL

During the service the smoke from the censer began to flow downward like water: it spilled over the rim and slipped into a crack by the altar. The sisters sank to their knees and pressed their palms to the floor. The abbess said that today He was very near us and breathing the same air we breathe.

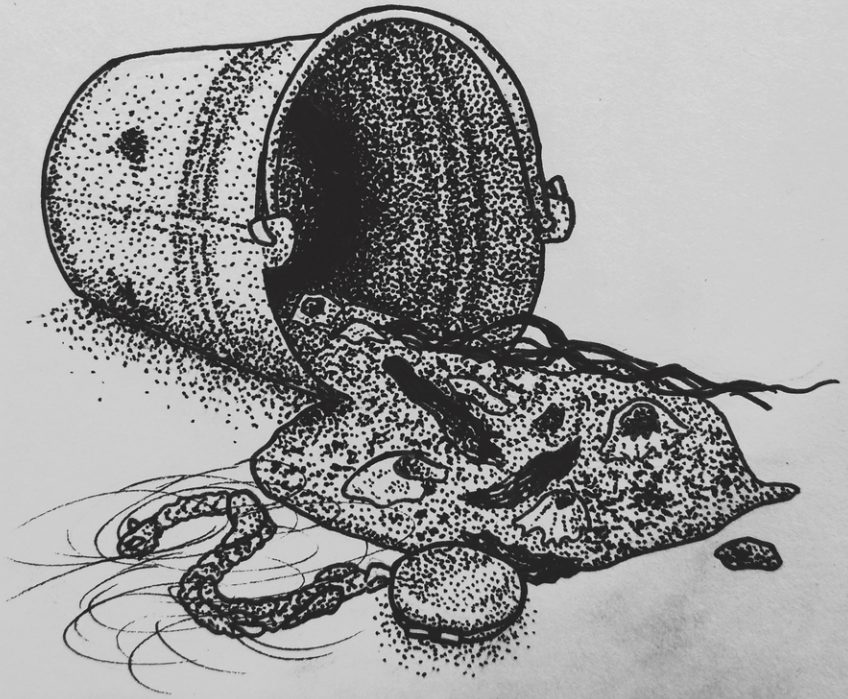
Во время службы дым из кадильницы потёк вниз, словно вода: перелился через край и ушёл в щель у алтаря. Сёстры опустились на колени и прижались ладонями к полу. Настоятельница сказала, что сегодня Он совсем близко к нам и дышит с нами одним воздухом.

RESCUE

I found the woman from the guesthouse behind the woodpile. Her name is Anna. She came to the island together with Marta. Her stocking had dried to her foot: while I pulled off her shoe, she bit down on my handkerchief so she wouldn't scream. All she asked was that I not give her back to the sisters. I hid her in the woodshed and locked it from the outside, as though it were empty.

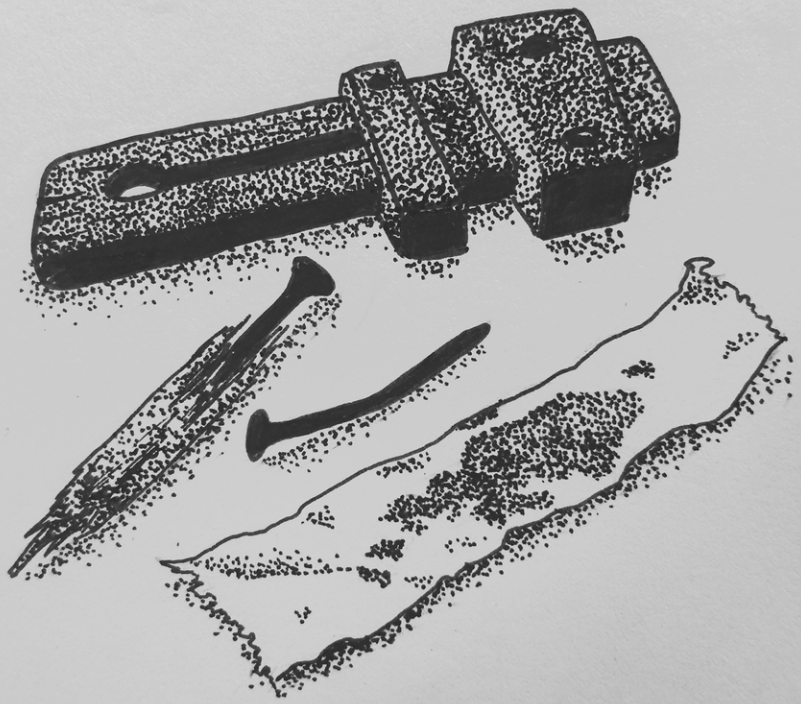
Женщину из гостевого дома я нашла за поленницей. Её зовут Анна. На остров она прибыла вместе с Мартой. Чулок присох к ступне: пока я снимала башмак, она закусила мой платок, чтобы не закричать. Просила только не возвращать её сёстрам. Я спрятала её в дровяном сарае и заперла его снаружи, будто он пуст.

TOSS

The keyholder told me to rinse a bucket from the lower storeroom in the sea. At the bottom, in gray sludge, lay Marta's locket, with hair tangled in its clasp. I washed it and showed it to Anna. She recognized it at once and asked me not to bring her anything more from the kitchen, and not to eat from it myself. I kept the locket. Later I ate my portion anyway: refusing isn't done here, after all.

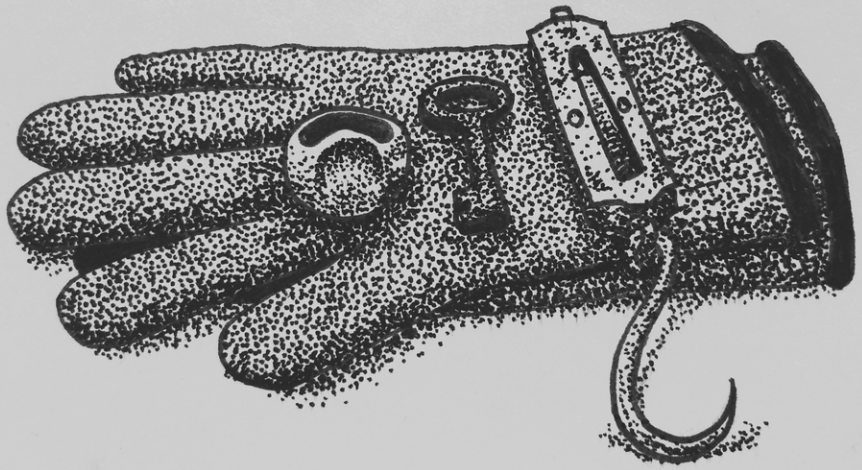
Ключница велела прополоскать в море ведро из нижней кладовой. На дне в сером осадке лежал медальон Марты, а в застёжке спутались волосы. Я отмыла его и показала Анне. Она узнала медальон сразу и попросила больше ничего не приносить ей с кухни и самой оттуда не есть. Медальон я оставила у себя. Свою порцию я позже съела: отказываться тут всё-таки не принято.

FLIMSY

The shed locks only from the outside, with a flimsy latch. Anyone passing by could open it. Anna and I agreed that I would knock softly three times. I tear the bandages for her leg from my own undershirt. Anna told me that when she and Marta first arrived, five others were still living in the guesthouse. Now there is no one left. She asked me to promise that if one day she didn't answer my knock, I would open the door and check anyway. I promised.

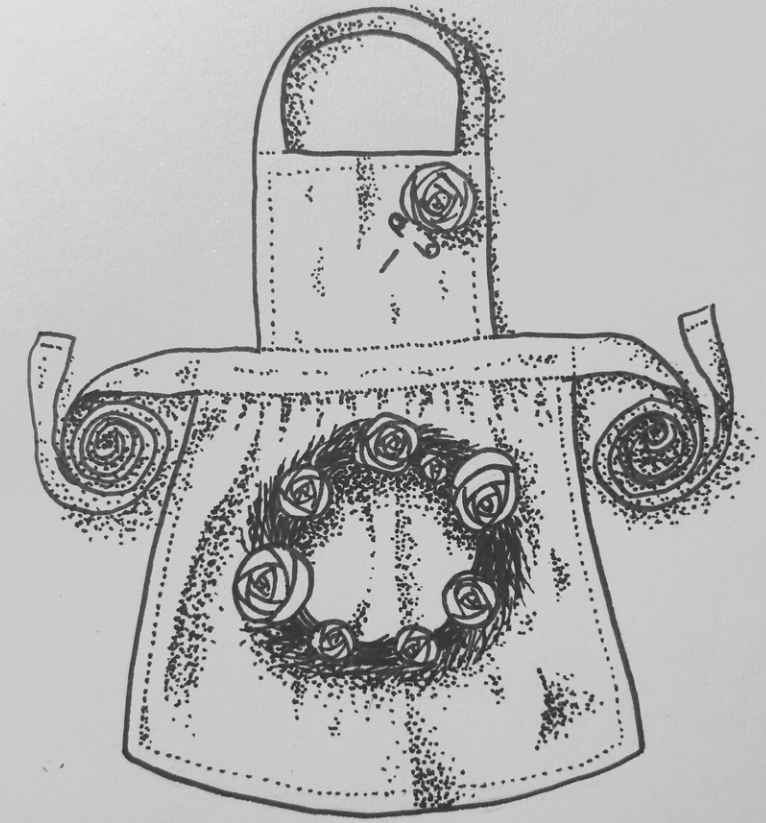
Сарай запирается только снаружи на хлипкую щеколду. Открыть сможет любой, кто пройдёт мимо. Мы с Анной условились, что я стучу тихо три раза. Бинты для её ноги я рву из своей нижней рубашки. Анна рассказала, что, когда они с Мартой только приехали, в гостевом доме жили ещё пятеро. Теперь там не осталось никого. Она попросила пообещать ей, что если однажды она не ответит на стук, то я всё равно открою и проверю. Я пообещала.

LADY

Today the abbess came to ask whether I had enough blankets. She straightened mine, then took me by the wrist and held my arm up, weighing it like a chicken at the market. She said twice as much bread is spent on me, and still I only get thinner. A narrow dark line showed beneath her ring. As she left, she asked me not to feed the strays.

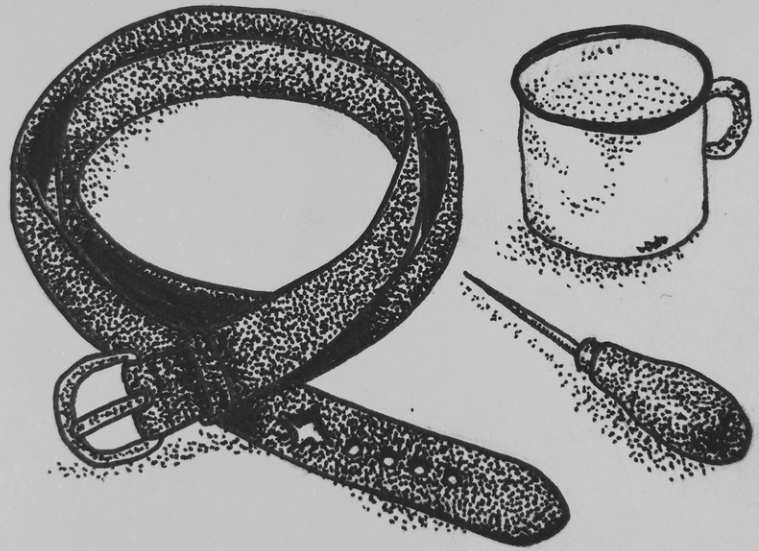
Сегодня настоятельница зашла спросить, хватает ли мне одеяла. Поправила его, потом взяла меня за запястье и подержала на весу, как курицу на рынке. Сказала, что хлеба на меня уходит вдвое больше, а я только худею. Под перстнем у неё темнела узкая полоска. Уходя, она попросила меня не подкармливать бродячих.

HOORAY

Today it was announced that at the feast I will assist at the altar. The sisters took turns congratulating me and kissing my forehead. I was given a white apron, new, never worn, and along with it a wreath the sisters had woven themselves. The abbess said I had been granted a great honor.

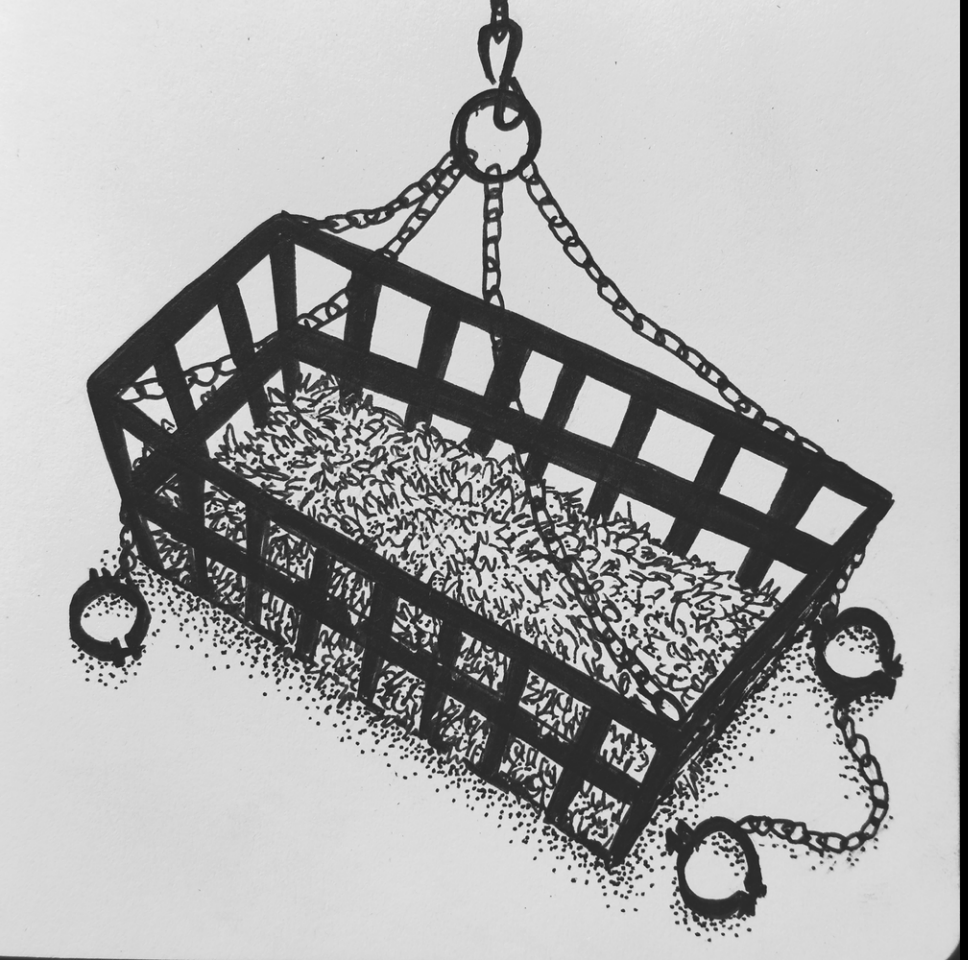
Сегодня объявили, что на празднике я буду помогать у алтаря. Сёстры по очереди поздравляли меня и целовали в лоб. Мне выдали белый передник, новый, ни разу не надёванный, а к нему впридачу венок, который сёстры сплели сами. Настоятельница сказала, что мне оказали большую честь.

GANGLY

Anna no longer eats anything I bring from the kitchen, only drinks water. The skin on her wrists shifts loosely, like a sleeve. I had to use an awl just to make her dress stay on. She used to lift a full cauldron with one hand, she says. Now she can barely hold a cup with two.

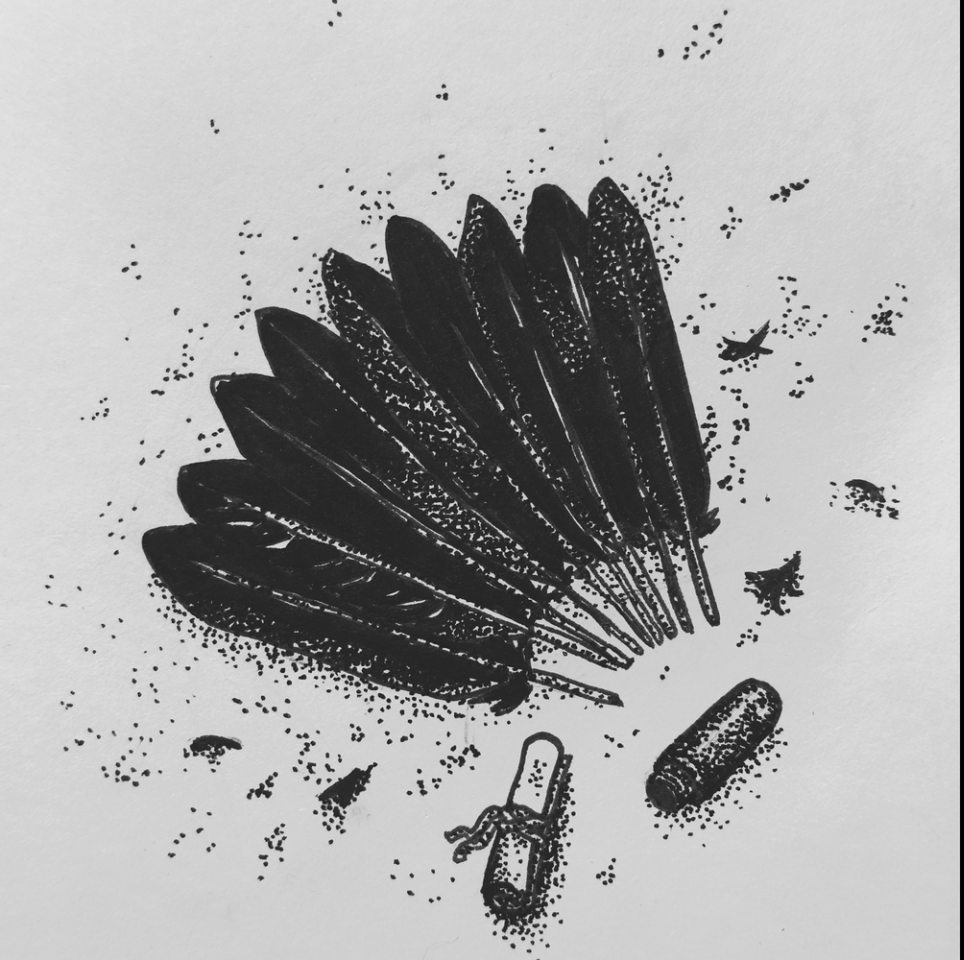
Анна больше ничего не ест из того что я приношу с кухни, только пьёт воду. Кожа на её запястьях сдвигается свободно, словно рукав. Пришлось воспользоваться шилом чтобы платье держалось. Раньше, говорит, она одной рукой поднимала полный котёл. Теперь двумя едва держит кружку.

CONTRAPTION

I was shown the lift for the offerings. The basket is long, like a cot. At the head end are two iron cuffs for the wrists, and at the foot, two more. The straw had matted down, since the basket was last used long ago. The keyholder told me to lay fresh straw and, so as not to get the length wrong, asked me to lie down. The new bedding fit me perfectly. I got up and brushed off my apron.

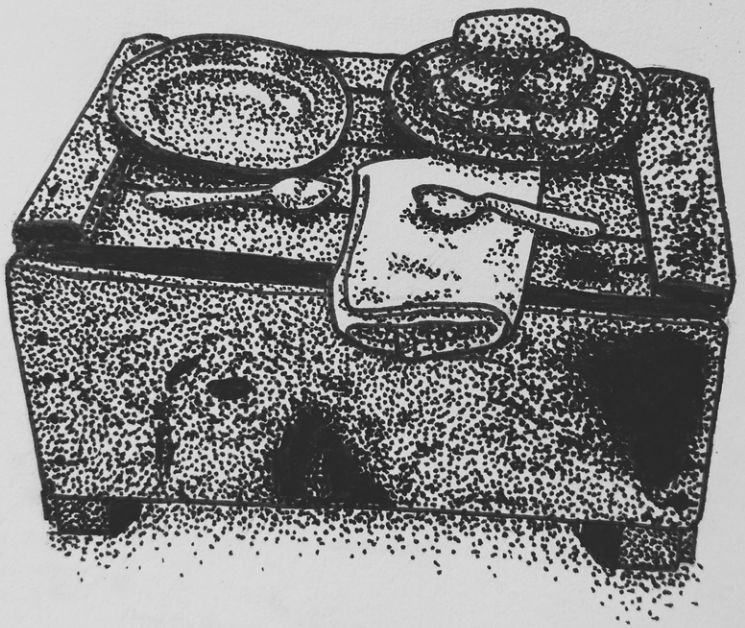
Мне показали подъёмник для подношений. Корзина длинная, похожая на лежанку. В изголовье два железных браслета для запястий, в ногах ещё два. Солома слежалась, ведь корзиной пользовались давно. Ключница велела постелить свежую и, чтобы не ошибиться с длиной, попросила меня лечь. Новая подстилка пришлась мне впору. Я встала и отряхнула передник.

FLIGHTLESS

They say pigeons used to be sent from here to the shore. I climbed up to the loft with a letter. All the birds have clipped wings, and someone lays the feathers out in a neat fan beneath the roost. The pigeons huddled against the wall and thrashed against one another when I came in. I carried the letter back down.

Говорят, когда-то отсюда отправляли голубей на берег. Я поднялась на чердак с письмом. У всех птиц подрезаны крылья, а перья кто-то складывает под насестом аккуратным веером. Голуби сбились у стены и бились друг о друга, когда я вошла. Письмо я принесла обратно.

CONFUSED

Anna didn't recognize me. She called me Marta and was glad I had finally come. On the plate she slid toward me lay all the rusks I had been bringing her this week. She had saved them for Marta. She hadn't eaten a single crumb herself. When I left, Anna thanked me the way people thank here.

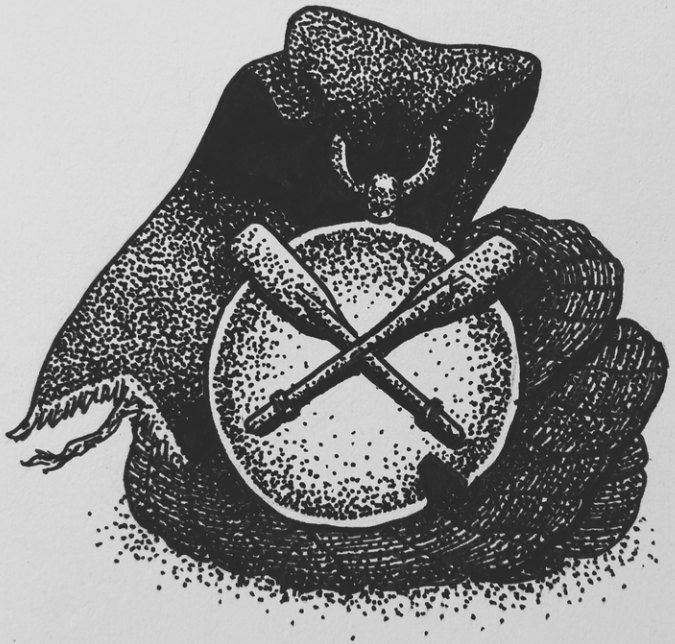
Анна меня не узнала. Назвала Мартой, обрадовалась, что я наконец пришла. На тарелке, которую она подвинула, лежали все сухари которые я носила ей эту неделю. Она берегла их для Марты. Сама не съела ни крошки. Когда я уходила, Анна поблагодарила меня так, как здесь благодарят.

LOUNGE

In the morning I knocked three times. Anna didn't answer, and I opened the door, as I had promised. The shed was empty. My handkerchief turned up later in the guesthouse lounge, on the seat of a deep armchair. It was still dented and damp, and buckles gleamed on the armrests. The keyholder told me to take the handkerchief and not to linger.

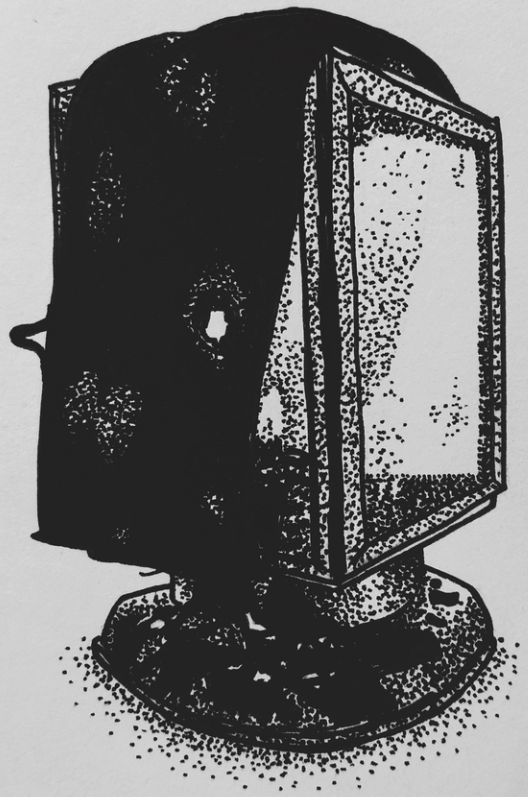
Утром я постучала три раза. Анна не ответила, и я открыла, как и обещала. Сарай был пуст. Мой платок нашёлся позже в комнате отдыха гостевого дома, на сиденье глубокого кресла. Оно было всё ещё продавлено и влажное, а на подлокотниках поблёскивали пряжки. Ключница велела забрать платок и не задерживаться.

HERO

I often think about the ferryman who brought me to the island. He wore a lifesaving medal on his chest. He complained that almost no one travels to the island anymore and that I was the first passenger he'd had all summer. He also told me how he once pulled fishermen out of a hole in the ice, and he kept repeating that there was one he hadn't been in time to save. As we parted he said: "If things get really bad, light the lantern in the bell tower at night, and I'll come." I think what I need is someone who remembers the one he couldn't save.

Я часто вспоминаю перевозчика, который вёз меня на остров. На груди у него была медаль за спасение. Он жаловался, что на остров теперь почти никто не едет и я у него первая за всё лето. Рассказывал ещё, как зимой вытаскивал рыбаков из полыньи, и повторял, что одного не успел. На прощание сказал: «Если станет совсем плохо, зажгите ночью фонарь на колокольне, и я приду.» Думаю, мне нужен человек, который помнит того, кого не спас.

BEACON

At night I lit the lantern in the bell tower and turned it toward the shore. I had been collecting the oil all week, a spoonful at a time. I had to cover the glass with dark cloth. On it I noticed old scorch marks: someone had already done this before me. Then an answering light appeared over the water. I covered my mouth with my hand so that no one would hear me.

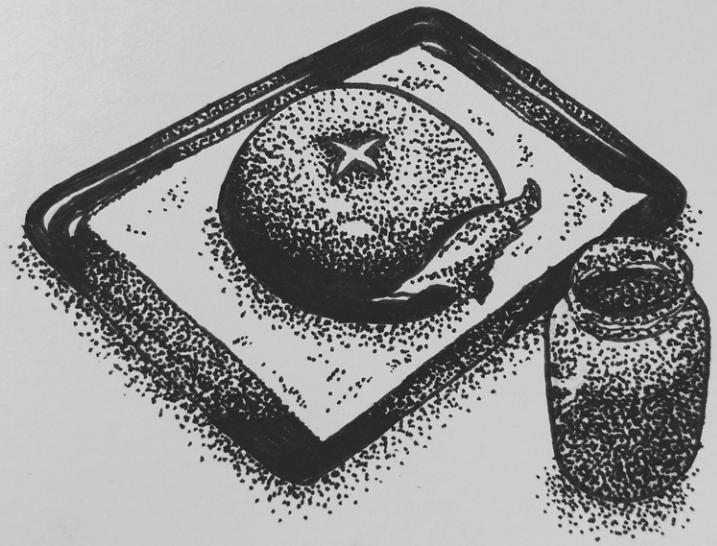
Ночью я зажгла фонарь на колокольне и повернула его к берегу. Масло собирала всю неделю по ложке. Стёкла пришлось закрыть тёмной тканью. Заметила на ней старые подпалины: кто-то уже делал так до меня. Потом над водой появился ответный огонёк. Я закрыла рот ладонью, чтобы меня не услышали.

DAPPER

In the morning a boat arrived with three men in it. Two fishermen sat at the oars, while the ferryman had put on a good coat and pinned his medal to his chest, as if he were going visiting. The abbess met them at the landing herself and, seeing there were three of them, pressed her hands to her chest. The men were taken to the reception room near the gate and given dry clothes and slippers. I was not allowed to speak to the ferryman alone.

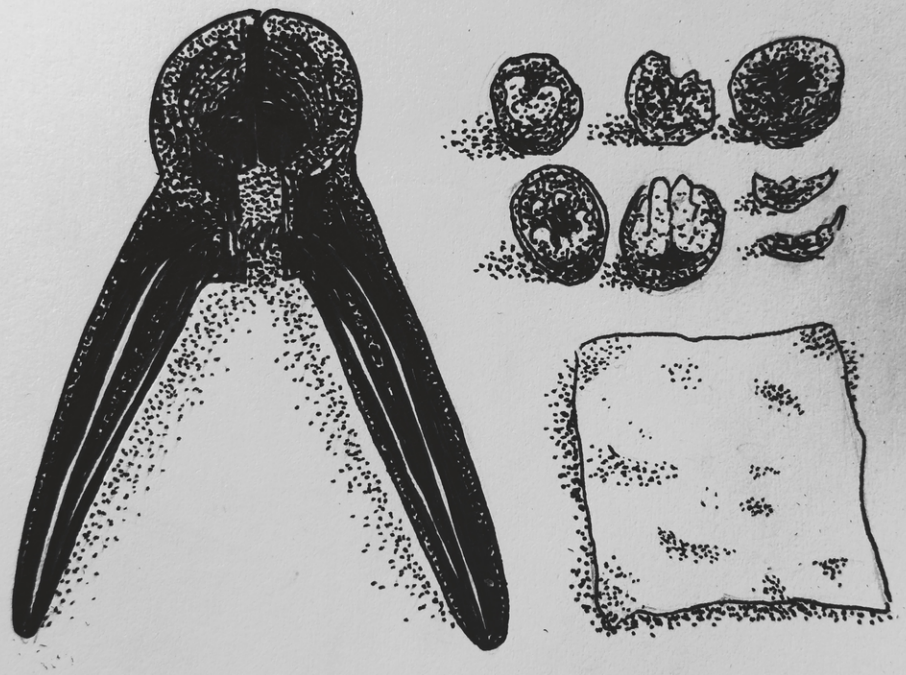
Утром прибыла лодка, в ней трое. Двое рыбаков сидели на вёслах, а перевозчик надел хорошее пальто и приколол на грудь медаль, будто шёл в гости. Настоятельница встретила их на причале сама и, увидев, что их трое, прижала ладони к груди. Мужчин проводили в приёмную недалеко у ворот, дали им сухую одежду и тапочки. Поговорить с перевозчиком наедине мне не дали.

BAKE

I baked bread for the guests. The festive recipe calls for gray fat from the lower storeroom, the kind with a thick film on top, to be worked into the dough. By custom, a loaf marked with a cross is served to the eldest guest, and I baked the note right into it. My fingers stayed slick with grease for a long time. The bread rose well.

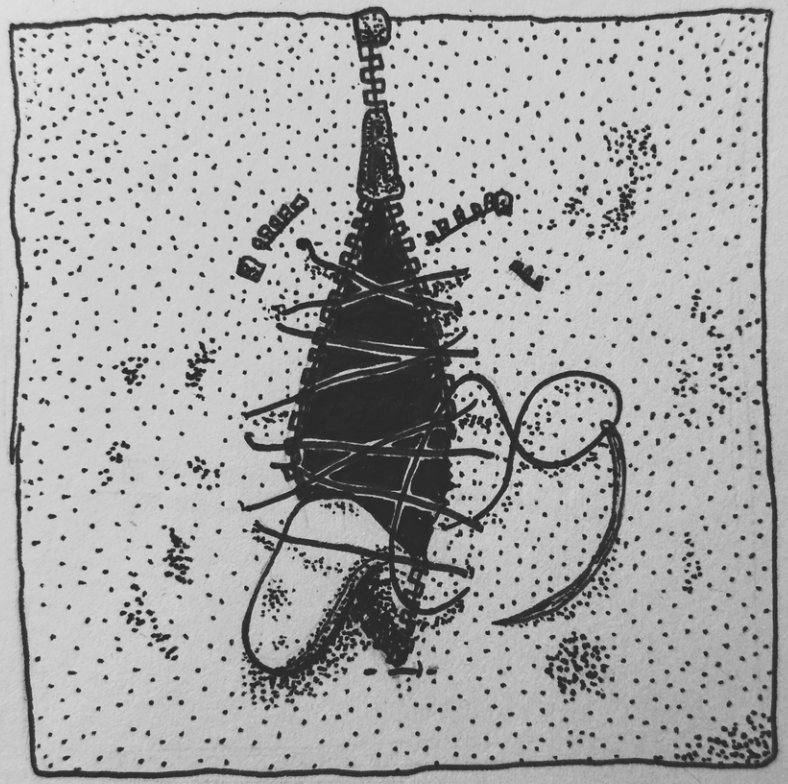
Я пекла хлеб для гостей. По праздничному рецепту в тесто кладут серый жир из нижней кладовой, с плотной плёнкой сверху. Хлеб с крестиком по обычаю подают старшему гостю, и записку я запекла прямо в него. Пальцы ещё долго скользили от жира. Хлеб хорошо поднялся.

FRACTURE

At the table the ferryman broke the bread in front of everyone and found the note. He read it, smiled, and handed it to the abbess. He had brought Marta here himself, and Anna, and me, and it seems he didn't believe a single word. That night the keyholder came to me with the nutcrackers we use to crack nuts for the feast. She broke the fingers of my right hand one by one and after each one waited for me to go quiet. The guests were not allowed to leave: fog had risen off the sea.

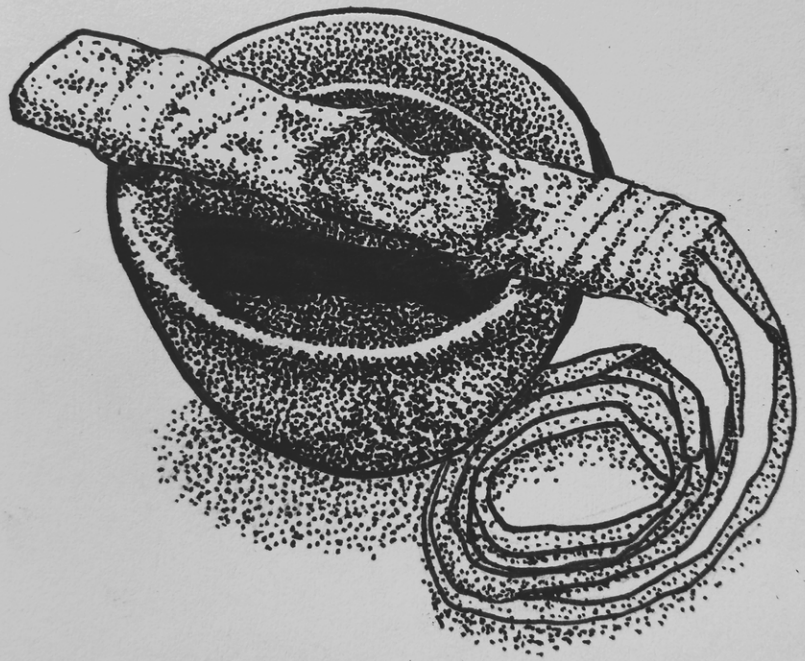
За столом перевозчик разломил хлеб при всех и нашёл записку. Прочитал, улыбнулся и отдал её настоятельнице. Он сам привозил сюда и Марту, и Анну, и меня, и, кажется, ни поверил ни единому слову. Ночью ключница пришла ко мне со щипцами, которыми мы колем орехи к празднику. Пальцы на правой руке она ломала по одному и после каждого ждала, пока я замолчу. Гостям уехать не дали: с моря поднялся туман.

ZIP

In the morning three long canvas sacks were carried out of the reception room. One of them took four people to carry. The zipper on it split open, and a finger in a white glove poked out of the gap and scratched at the canvas. The keyholder pinned the sack down with her knee and sewed the tear shut right over the top with a thick needle, without even looking. By night the sacks had been moved to the lift.

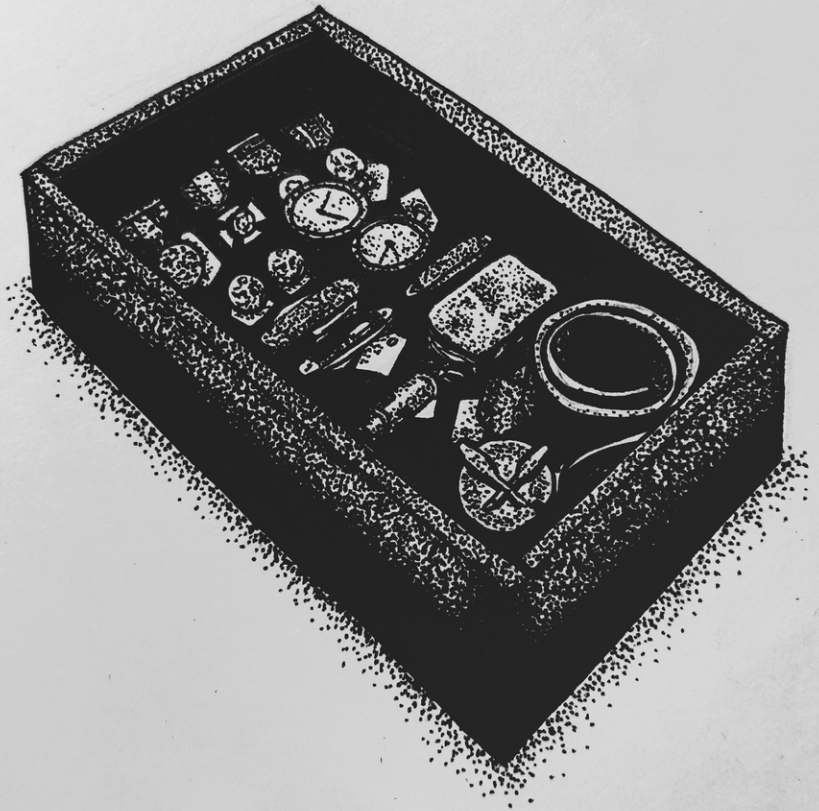
Утром из приёмной вынесли три длинных холщёвых мешка. Один из них несли вчетвером. Молния на нём разошлась, из щели высунулся палец в белой печатке и заскрёб по холсту. Ключница прижала мешок коленом и зашила прореху прямо поверх, толстой иглой не глядя. К ночи мешки перенесли к подъёмнику.

DUMB

That night there was a lower service with the guests. Before it, a stick wrapped in linen was put into my mouth and the ties pulled tight behind my head: whoever is being prepared for the feast is expected to stay silent. The wood under the cloth is gnawed, and other people's tooth marks overlap one another. I held the candle while the sacks were lowered into the shaft. When everything below went quiet, someone knocked from down there three times, softly, just as Anna and I had agreed.

Ночью была нижняя служба с гостями. Перед ней мне вложили в рот палочку в полотне и затянули завязки на затылке: готовящейся к празднику принято молчать. Дерево под тканью изгрызено, и следы чужих зубов перекрывают друг-друга. Я держала свечу, пока мешки опускали в шахту. Когда внизу всё стихло, оттуда постучали три раза, тихо, так как мы условились с Анной.

TROPHY

In the morning after the lower service, the keyholder opened a long box in front of me. On the velvet lie medals, buttons with anchors, watches, folding knives—all the belongings of those whom He took in. Almost everything is old, the copper tarnished. Only two things are recent: our ferryman's medal and a short strap with crooked awl holes. The keyholder said that someone always comes to the light, only it's rare now.

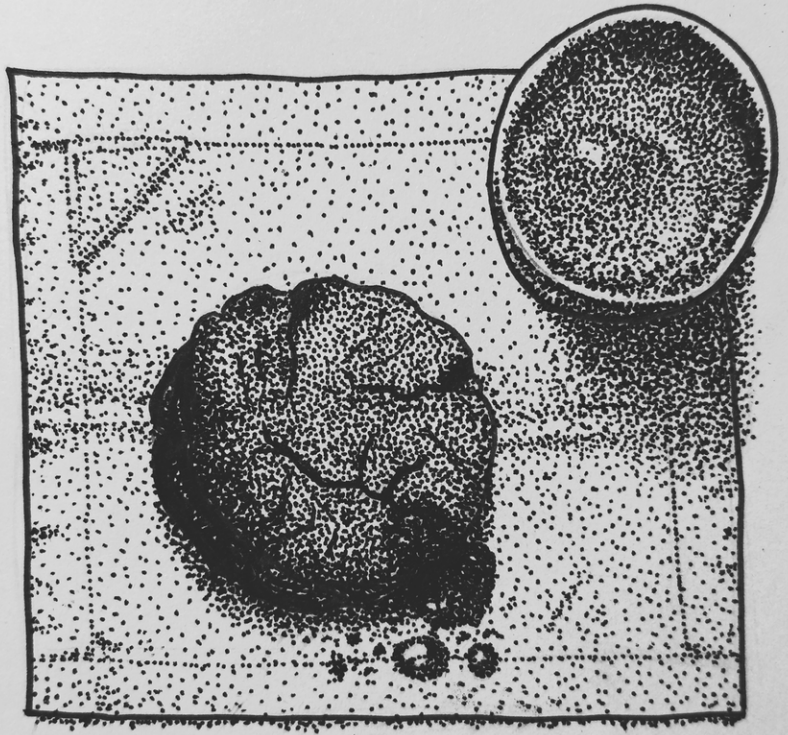
Утром после нижней службы ключница открыла при мне длинный ящик. На бархате лежат медали, пуговицы с якорями, часы, складные ножи — все вещи тех, кого Он принял. Почти всё старое, медь потемнела. Свежих вещей всего две: медаль нашего перевозчика и короткий ремешок с кривыми дырками от шила. Ключница сказала, что на свет всегда кто-нибудь приходит, просто теперь редко.

TUSK

Today I was allowed under the altar for the first time, to wash the floor. They did not take the gag out. From a crack between the slabs rises His tusk, as thick as my leg, yellow, with grooves along its whole length. The tip is bound in silver, and on one side a flat place has been ground down. Beside it lie a rasp and a cloth with pale dust. This is where the particles for the reliquary come from. The grooves are the same as on the particle I kissed on my first day here. The tusk is warm. While I washed around it, it rose by a finger's width.

Сегодня меня впервые пустили под алтарь вымыть пол. Кляп не сняли. Из трещины между плитами поднимается Его бивень толщиной с мою ногу, жёлтый, с бороздами по всей длине. Верхушку обтянули серебром, а сбоку сточено ровное место. Рядом лежит напильник и салфетка со светлой пылью. Отсюда берут частицы для реликвария. Борозды те же, что на частице которую я поцеловала в первый день здесь. Бивень тёплый. Пока я мыла вокруг, он поднялся на палец.

COOKIE

The gag is removed only so that I can be fed. The keyholder soaked a cookie in water for me and put it in my mouth. From the warmth, a familiar gray fat seeped out of the crumbs. The same fat I had put into the bread for the guests. I asked where it came from. She pointed to the bucket by the lower drain and waited until I swallowed.

Кляп снимают только затем, чтобы накормить. Ключница размочила для меня печенье в воде и вложила в рот. От тепла из крошек выступил знакомый серый жир. Тот, что я клала в хлеб для гостей. Я спросила, откуда его берут. Она показала на ведро у нижнего стока и подождала, пока я проглочу.

FLEX

The feast is tomorrow. Today they weighed me and felt my ribs like dough. The abbess said I was ready. I can't feel my right hand anymore: the fingers have turned black and won't bend, so I write with my left for as long as they give me a candle. My mouth has tasted of salt for three days, and my tongue is torn raw from the stick. The cuff from the basket closed around my wrist with room to spare: iron as thick as a finger, no one could ever bend it. There are three white stitches on my belt; by morning there will be four. All night long, below us, something scratches, waiting. Through the lower vent I can hear the sea. I close my eyes and try to remember the wind on an open shore…

Праздник уже завтра. Сегодня меня взвесили и пощупали рёбра, словно тесто. Настоятельница сказала что я готова. Правую руку я больше не чувствую: пальцы почернели и не гнутся, поэтому пишу левой, пока дают свечу. Во рту солоно третий день, а язык изодран о палочку. Браслет из корзины сомкнулся на моём запястье с запасом: железо толщиной в палец, такое никому не согнуть. На моём поясе три белых стежка, к утру их будет четыре. Под нами всю ночь скребут в ожидании. Через нижний продух слышно море. Я закрываю глаза и стараюсь вспомнить ветер на открытом берегу…

End.

